

Маргарита Терехова
Из первых уст...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Т 35

Автор идеи – Мария Воробьева

*В книге использованы фотографии из семейного архива М.Б. Тереховой.
Благодарим за предоставленные фотографии И. Гневашева, М. Гутермана,
В. Кречета, А. Ленькова, В. Мурашко, В. Петрусову, А. Подошьяна, Г. Тер-Ованесова,
А. Тягны-Рядно, М. Штейнбока, А. Якубовича.*

*Фотография на обложке – из личного архива автора.
Дизайн – Александр Архутик
Верстка – Алексей Колганов*

Терехова, Маргарита
Т 35 Из первых уст... // Литературная обработка М.С. Воробьевой.
– М.: Этерна, 2013. – 256 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00316-1

Книга народной артистки РФ Маргариты Борисовны Тереховой о ее жизни, творчестве и судьбе. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-480-00316-1 © М.Б. Терехова, 2013
© М.С. Воробьева, литературная обработка, 2013
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2013

К читателю

На протяжении многих лет зрители и поклонники обращались к Маргарите Борисовне с просьбой написать книгу воспоминаний о жизни и творчестве. Но она отказывалась. Поэтому настоящее издание подготовлено по материалам многочисленных интервью с Маргаритой Тереховой, аудио- и видеоматериалов о ней, дополненных записями моих личных бесед с нею. Также в подготовке книги принимала активное участие Анна Терехова, дочь Маргариты Борисовны.

Творческая судьба этой выдающейся актрисы театра и кино принесла ей колоссальную популярность и неугасающую зрительскую любовь. И как бы ни были несхожи созданные ею образы, в них всегда ощущалось нечто общее – особая актерская методика, высочайший профессионализм и самоотдача.

И в юности, будучи «девочкой с косой», золотой медалисткой, приехавшей из Ташкента, и в зрелый творческий период Маргарита Терехова во время работы над ролью всегда стремилась обращаться к архивам, документам, первоисточнику, узнавать, по возможности, все «из первых уст». Это и отражено в названии книги, которую вы держите в руках. В тексте сохранены индивидуальные особенности речевой манеры актрисы, а многочисленные фотографии из личного архива семьи Тереховых дополняют и развивают главные темы ее повествования.

Надеемся, что книга будет интересна не только многочисленным поклонникам этой всенародно любимой актрисы, но и всем тем, кто интересуется театром и киноискусством, а также пригодится будущим исследователям творчества М.Б. Тереховой.

Мария Воробьева

Содержание

1. Актерская семья / **11**
2. Студия Ю.А. Завадского и театр им. Моссовета / **25**
3. Дебют в кино / **46**
4. Обожаемый Тарковский / **60**
5. Работа с Романом Виктюком / **106**
6. 1970-е годы. Работа в кино / **114**
7. «Венец творенья, дивная Диана...» / **120**
8. «Д'Артаньян и три мушкетера». Моя «Милэди» / **132**
9. 1980-е годы. «Балаганчик». Возвращение в театр им. Моссовета / **149**
10. «Только для сумасшедших, или Сестра милосердия» / **170**
11. Моя работа в театре в 1990-е годы / **180**
12. Мои дети / **186**
13. Выстраданная «Чайка» / **211**
14. О моей профессии / **229**
15. Жизнь, жизнь... Вопросы и ответы / **236**

Маргарите Тереховой

Кто ты, Маргарита? Яркая роза, гроздь винограда, золотая птица? Нет, это все кажется. Ты – мотылек. Беззащитная душа, тончайшие крылышки. О таких, как ты, писал Теннесси Уильямс, американец. Он обвинял вас, как и самого себя, в вашей слабости, в том, что вы не копите жирок, в том, что вы не становитесь львицами. Но он и восхищался вами... Нет ничего сильнее вашей слабости. «Будьте как дети...» Не надо железных мускулов, не надо сильного духа. Будьте как дети... Оставайся беззащитной любопытной девочкой, Ритуля. Путешествуй по своей планете, как Маленький принц. Ведь о таких, как ты, писал Сент-Экзюпери, француз. Иди по своему городу, как Грета Гарбо в толпе, где ее никто не узнавал. Разговаривай с розой, которую будешь оберегать. Верь в доброту первого встречного... Ведь это буду я. И когда мы обнимемся, я опять воскликну: «Кто ты?.. Кто ты?.. Кто ты?..» Я ошибся, ты не мотылек. В нашем Театре – ты жрица любви... красоты... отчаяния... одиночества... непредсказуемый вулкан, огненная лошадь! Так кто же ты? Знаю. Чувствую. Ты – Тайна...

Твой Роман Виктюк

1. Актерская семья

Начну рассказ о моем детстве и семье с предков. Дед по матери, Ян Станислав Гелиодор Томашевич, был белым офицером царской армии, дворянином. В годы Гражданской войны пропал без вести.

Его жена Анна Адамовна Шанявская, моя бабушка, пошла на фронт, стала там сестрой милосердия.

У нас дома хранились письма Анны Адамовны. В них она рассказывала о себе и своих родителях, которых звали Адамом и Евой. Бабушка отдала детям свои драгоценности, но времена менялись стремительно, и все дорогие вещи, конечно, были утеряны. Бабушка умерла от тифа в бараке, а трое ее дочерей – Нина, Вера и Галя – выжили. Самая младшая, Галя, моя будущая мама, осталась сиротой в три года.

Мама родилась в начале прошлого века в польском городе Радом. Влюбленный в бабушку человек по фамилии Йоффе вывез их из Польши в Евпаторию, подальше от ужасов Гражданской войны. В Крыму еще можно было как-то существовать. Начались мигрантства по детским домам, бесконечные переезды с места на место. Из нехитрого приданого был лишь старинный образок Мадонны. Он до сих пор бережно хранится в нашей семье. Позже, когда мы с мамочкой оказывались недалеко от Севастополя, она, показывая в сторону города, говорила: «Там, наверное, они похоронены». Я всегда старалась поклониться в ту сторону...

Мама росла в Крыму, работала на швейной фабрике, но мечтала стать актрисой, очень интересовалась театральным искусством. Ночи напролет она занималась самостоятельно, много читала, придумывала этюды.

**Ян Станислав Гелиодор Томашевич,
мой дедушка**

Анна Адамовна Шанявская, моя бабушка

Ян Станислав Гелиодор Томашевич,
мой дедушка

Однажды она случайно увидела объявление, что в Симферопольском драматическом театре набирается курс. Галина, польская красавица с точеной фигуркой, густыми рыжими волосами и зелеными глазами, решила попытать счастья и в итоге поступила в Симферопольское театральное училище.

Ей очень нравилось заниматься, она обожала всех своих педагогов. Вскоре Галина Томашевич уже и сама параллельно преподавала танцы. По окончании училища ее оставили в Симферопольском драматическом театре. Она играла блистательно, великолепно, и местное руководство театра приняло решение отправить молодую талантливую актрису Галину Станиславовну Томашевич в Москву к режиссеру Александру Яковлевичу Таирову¹.

---

¹ Таиров, Александр Яковлевич (1885–1950) – российский и советский актер и режиссер, создатель и художественный руководитель Камерного театра, народный артист РСФСР.

Галя, Вера и Нина Томашевич

Таиров, создатель так называемого синтетического театра, стремился к синтезу театра, музыки, балета, живописи. Работа с Александром Яковлевичем – удача для любого актера. В Симферополе маме дали рекомендательное письмо (оно также хранится до сих пор в нашей семье как реликвия).

Как раз в это время в маму влюбился нарком Крыма. Они собирались вместе ехать в Москву, но его неожиданно арестовали и расстреляли. Галина отправилась в Москву одна. Это все происходило в 1930-е годы.

К сожалению, рекомендательное письмо в руки Таирова так и не попало. Великий режиссер в это время был арестован, репрессирован. Маме об этом не сказали.

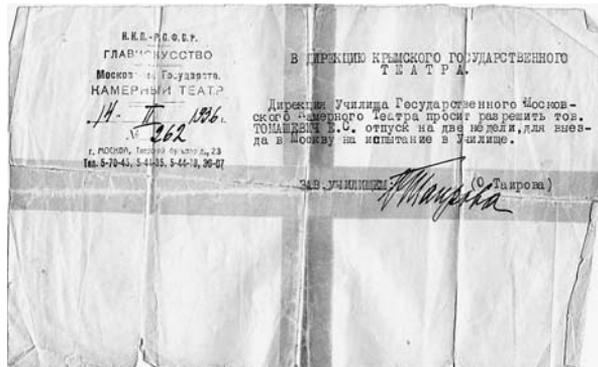
Галина Томашевич, моя мама. 1930-е гг.

Сестра Таирова сообщила только, что, мол, мастер болен, поэтому не сможет сейчас принять молодую актрису. Галина начала искать работу в Москве. Жила она в небольшой комнатке в Столешниковом переулке. Спустя много лет она показывала мне и Ане, моей дочери, этот дом и даже окно ее комнаты.

В то время в Москве существовала так называемая актерская биржа труда: актер мог принести свои фотографии, рекомендации, и его направляли на работу в тот или иной театр страны. Галина пошла на такую актерскую биржу.

К этому времени у нее был уже очень хороший послужной список сыгранных ролей.

Ее, девушку особой, европейской красоты, заметил представитель Свердловского драматического театра и сразу предложил работать у них. В репертуа-

ре Свердловского театра для нее было несколько главных ролей. Галина согласилась. На эту же московскую биржу труда пришел и Борис Иванович Терехов, молодой актер, тоже мечтавший о работе в театре. И его направили на Урал, в Свердловск. За время пребывания в Москве мама успела познакомиться с разными интересными людьми. Один молодой человек, вероятно тайно влюбленный, провожал ее до вагона. Увидев на перроне высокого и красивого юношу, он сказал Галине: «Разве перед такими плечами ты устоишь?!» Этим человеком с сильными плечами был мой будущий папа. Насколько я могу догадываться, отец действительно был неотразим. Потом, когда он приехал в Москву, в студию Завадского, чтобы поговорить со мной, мои однокурсники даже сначала не поверили, что этот молодой красавец – мой отец.

Борис и Галина вместе великолепно играли в Свердловском театре. Театр был передвижной, актеры постоянно гастролировали, переезжая из города в город. «Бродяги и артисты» – так можно сказать про всю нашу семью, живущую абсолютно походной жизнью.

Началась Великая Отечественная война. Актеры выступали и на заводах для работников оборонки, и в госпиталях. Мама рассказывала, что однажды, выступая перед ранеными, изувеченными бойцами, услышала необычный гул. Сначала она не поняла, что это за странный звук. Потом

Мои родители

Галина Томашевич,
конец 1930-х – начало 1940-х гг.

ей объяснили: это шумят бойцы в знак одобрения. Лишенные рук, аплодировать они не могли... Мама разрыдалась, когда поняла, что это за гул. Ее просят на сцену, а она плачет, дрожит, никак остановиться не может, слезы льются ручьем. Но потом все равно снова и снова выступала.

В такое страшное время я и родилась. Это произошло 25 августа 1942 года в городе Туринске, где гастролировал театр. Родить во время войны – это настоящий героизм. С беременностью мамы связана очень трогательная история. Времена были голодные, военные, но Галина вдруг заметила, что может есть только вареную картошку с горчицей. Когда пошла к врачу и выяснилось, что она беременна, расплакалась. Доктор говорит: «Боже мой, успокойтесь, если вы хотите избавиться от ребенка...» Галина: «Да вы что! Я от счастья плачу, я так давно этого хотела!»

До восьмого месяца мама играла на сцене. Ей приходилось перетягивать животик, чтобы никто из зрителей не замечал ее беременность. Рожала она тяжело, два дня... Я родилась светленькая, носик курносенький, глазки зеленые. Маленькой меня звали Тутуля. А поскольку роди-

лась я в уральском городе Туринске, то мне потом дали прозвище «маркиза из Турина».

В период военного лихолетья отца забрали на фронт. Он попал в разведку, был контужен, потерял память. Долгие годы о нем ничего не было известно. Когда он нашел меня после войны, я была уже взрослой девушкой. Он не рвался в Москву, был в Сибири известным актером и режиссером. А его отец, Иван Терехов, – знаменитым в Сибири учителем. Отец умер в 1977 году. Кроме меня у него есть еще две дочери от разных браков – Светлана и Юлия. Светлана с семьей живет в Кемерове, а Юлия в Москве. Несколько лет назад власти Туринска присвоили мне звание почетной жительницы города и в связи с этим вручили пакет льгот: бесплатный проезд, сниженная квартплата и так далее. Пополь-

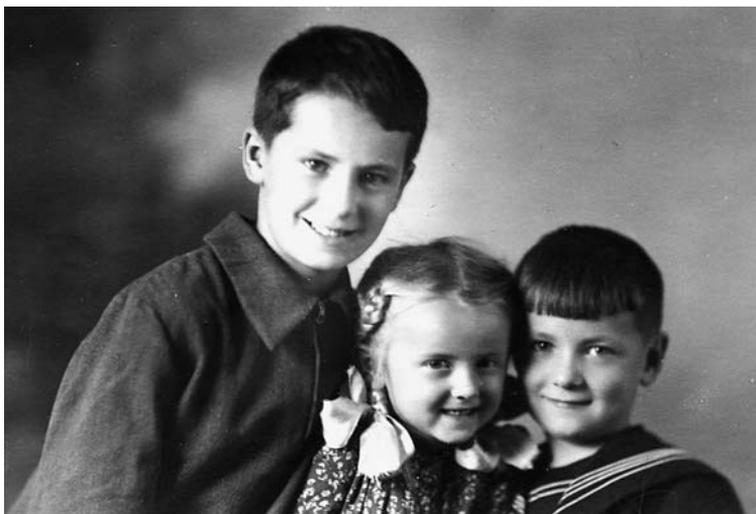
зоваться этими привилегиями мне так и не довелось, поскольку я много лет живу в Москве и уезжать из столицы пока не собираюсь. Но мне все же очень приятен был этот знак внимания и уважения.

Мои воспоминания раннего детства связаны с театром. Во время маминой работы в передвижном Свердловском театре я, еще совсем маленькая, спала в коробке с реквизитом, театральными костюмами. Это и была моя колыбелька. Нянчились со мной все актеры попеременно: по очереди кормили, баюкали. Я же все время куда-то заползала, проваливалась в какие-то люки. Меня разыскивали всем театром. Однажды, года в четыре, я вышла на сцену в разгар спектакля «Шельменко-денщик» и закричала: «Мама!» К счастью, от мамы мне за этот выход не досталось, она меня простила. Потом, когда немного подросла, я выучила весь мамин репертуар. Иногда меня ставили на возвышение и говорили: «Танцуй!» Я легко могла изобразить с пением и плясками любой мамин спектакль с начала до конца. И наверное, в детстве быть артисткой у меня получалось не хуже, чем потом.

Маргарита Терехова
Из первых уст...

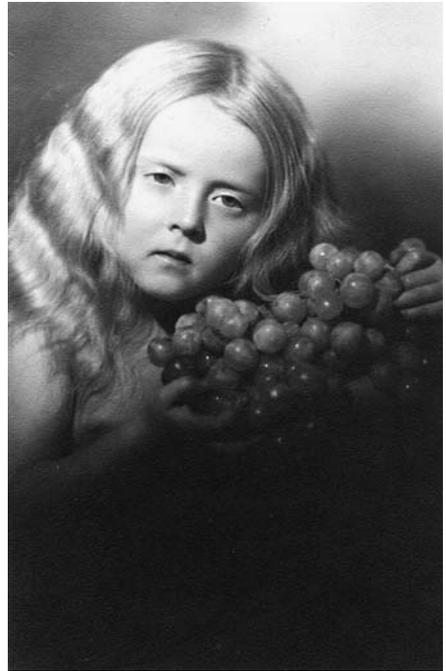
Тутуля. Ташкент, 1946-1947 гг.

С двоюродными братиками Аликом и Игорем. Середина 1940-х гг.

Середина 1940-х гг.

В те годы на Урале были очень суровые зимы. Я сильно простудилась, началось воспаление легких. Сколько сил, сколько бессонных ночей стоило моей матери выходить меня! В дикий холод она сушила пеленки на себе... Мама понимала, что, если мы с ней останемся на Урале, я могу просто не выжить в этом суровом климате. Тогда она приняла решение перебраться со мной в Среднюю Азию, в теплый и по военным меркам хлебный город Ташкент, где жила ее старшая сестра. Прожили мы с мамой в Ташкенте более пятнадцати лет.

Маргарита Терехова
Из первых уст...

С мамой в Ташкенте

Ташкент – удивительное место, город моих детских воспоминаний, золотая пора. Я помню Дом офицеров, возле которого мы жили, и Алтайский рынок, куда бегали за фруктами. Посылая за продуктами на рынок, мама давала мне мелочь: на несколько медных монет в то время можно было купить много фруктов и овощей.

Люди в Ташкенте жили замечательные, талантливые, интеллигентные. Туда съезжались актеры, режиссеры, а после переезда нескольких киностудий именно в Ташкент переместилось все кинопроизводство страны. Там и знаменитый фильм-сказку «Золушка» снимали.

Училась я легко, очень любила своих учителей, школу закончила с

В Ташкенте, конец 1950-х гг.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг.

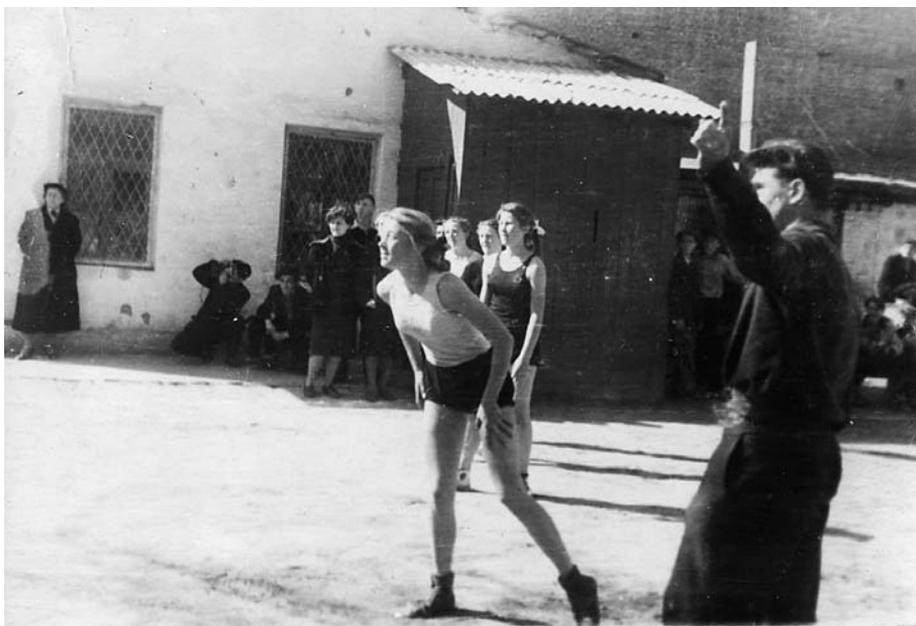
золотой медалью. Был почти анекдотический случай. Учитель математики думал, что я математический гений, когда я – единственная из всего класса – решила какую-то хитрую задачку. А я просто как понимала, так и решала. Все экзамены всегда сдавала очень легко, но больше всего в школьные годы я увлекалась спортом.

Помню, рядом со школой, в самом центре Ташкента, перелезаю через забор и попадаю в окружной Дом офицеров (там, кстати, работала моя мамочка), к прекрасному тренеру по баскетболу Анатолию Павловичу Кириллову. Он готовил баскетболистов для сборной Советского Союза и вдобавок тренировал спортивных девочек. Прекрасный человек, вечно коричневый от загара, потому что с баскетбольной площадки почти не уходил. И когда я ему сказала: «Возьмите меня тоже в команду!», он посмотрел на меня внимательно и иронично спросил: «А тебя ветром недует?» Я тогда была очень худенькой семиклассницей. «Ну, – я говорю, –

Ташкент, август 1956 г.

а вы попробуйте, проверьте!» И потом я стала капитаном так называемой юношеской сборной по баскетболу Узбекистана, ни больше ни меньше! Первоначально тренировал Кириллов нас так: к активным тренировкам не допускал до тех пор, пока мяч в корзину не кинешь. Только после этого команду давал: «Ну, а теперь потихонечку бегом!» Шутил с нами постоянно. Прекрасная школа была! Мне тогда казалось, что баскетбол – единственное главное дело в моей жизни и я не брошу его никогда, – вот настолько это было серьезно. Я и прежде любила спорт, была очень подвижной,

Во время баскетбольного матча. Ташкент, март 1958 г.

В Ташкенте с друзьями

играла и в теннис, и в волейбол, но баскетбол стал моим самым главным спортивным увлечением. Потом, кстати, спорт мне очень помог и в профессии: приходилось, например, на лошадях скакать... Вообще, чем бы я в детстве ни занималась, мне все впоследствии пригодилось.

Я очень любила баскетбол, но долго поиграть мне в него не удалось. После школы я думала, куда мне поступать учиться дальше. У друзей спрашиваю: «А вы куда идете?» Они: «На физико-математический». – «Ну, и я с вами!» Мы жили тогда в Ташкенте на улице Энгельса, окошки нашего дома прямо на университет выходили. У меня была золотая медаль, и в 1959 году я легко поступила на физико-математический факультет Среднеазиатского государственного университета. Проучилась там немного и только потом решила ехать в Москву и поступать на актерский, как мама. Поддалась инстинкту, который все расставил по своим местам. Помню, когда в университете сообщила, что принята в Москве в театральный, один из преподавателей физико-математического факультета воскликнул: «Так вот куда вам сразу надо было идти!»

2. Студия Ю.А. Завадского и театр им. Моссовета

Приехав в Москву летом 1961 года, я стала поступать во ВГИК. Слышала, как про меня шепчут за спиной: «Вот эта девочка с косой проходит!»

Мы, абитуриенты, жили в актерском студенческом общежитии. И вот когда я была уверена, что уже прохожу, вдруг появились какие-то «свои» девочки, – и меня не берут. Я расстроилась тогда невероятно, вышла из здания и побрела по дороге, не замечая ничего вокруг. Видно, я была в таком состоянии, что на меня чуть не наехал водитель грузовика. Затормозив совсем рядом, он выскочил ко мне: «Что с тобой? Что случилось?» А что я могла ему ответить? Мол, во ВГИК не поступила? Он бы мне на это, конечно, сказал:

«Ты что, сумасшедшая?» Я думала, что же мне теперь делать. Возвращаться домой и снова учиться в Ташкенте на физмате? Но так вышло, что у меня из комнаты в общежитии украли деньги. Уехать из Москвы после этого мне уже просто было не на что. Ту девочку, которая у меня вытащила деньги, кстати, потом нашли, красивая девочка... Ее впоследствии выгнали из общежития за воровство. А я задержалась в Москве... На примере собственной судьбы убедилась, как много значит случайная встреча в жизни. Хотя... В жизни, наверное, нет ничего случайного...

Начало 1960-х гг.

В октябре 1961 года мы с приятелем совершенно случайно оказались в гуще поступающих в студию Завадского при театре имени Моссовета.

И там впервые я увидел Риту Терехову. Она отличалась от других дев-

чонок. Вздернутый носик, длинная русая коса, а главное – она словно вся светилась. От нее исходила какая-то доброжелательность, расположенность, с ней хотелось общаться. Одним словом, тогда я в нее и влюбился.

Вячеслав Бутенко

Старшекурсники из общежития, которые звали меня «девочка с косой», решили мне помочь и предложили подзаработать – сняться в документальном научном фильме. Я пошла, конечно, пробыла на съемках два дня, играла какую-то лаборантку в НИИ.

Там, в студийных коридорах, я и узнала, что главный режиссер театра им. Моссовета Юрий Александрович Завадский¹, прекрасный актер и педагог, набирает новый курс.

Редкая удача! Это происходило лишь раз в десять–двенадцать лет. Завадский проводил набор в конце лета, самым последним. Приходили к нему те ребята, которые уже куда-то не поступили в июле, но теперь они уже никуда не рвались. Завадский не сомневался, что среди абитуриентов, «забракованных» другими театральными вузами, найдутся те, которые ему и нужны.

И.С. Анисимова-Вульф

Ю.А. Завадский

Прекрасно, что я не поступила в то лето во ВГИК. Тот курс оказался неудачным, его распустили.

В студию я попала так. Сначала пришла к ближайшей помощнице Завадского, актрисе и режиссеру театра им. Моссовета Ирине Сергеевне Анисимовой-Вульф².

Как ее абитуриенты боялись! В коридорах народу была масса,

¹ Завадский, Юрий Александрович (1894–1977) – советский актер и режиссер, народный артист СССР, педагог, профессор.

² Анисимова-Вульф, Ирина Сергеевна (1906–1972) – советская актриса, режиссер.

но ее кабинет все стороной обходили. Я первая к Ирине Сергеевне рискнула войти. Ребята мне в один голос: «Нет, к ней не ходи, это ужас! Она всех заворачивает!» Но я все-таки решилась. Вижу: уже немолодая, очень худенькая женщина, симпатичная, глазки подведены. Взяла она мои документы, а я уже золотую медаль разворачиваю. Увидела она это и воскликнула: «Какая умница! Ну, почитай что-нибудь». Я почитала. Ей понравилось, и она мне дала допуск на участие сразу в последнем отборочном туре.

И вот отборочный тур. Мы все просто немели и трепетали перед своими экзаменаторами, среди которых были мэтры: Марецкая¹, Завадский...

Я очень долго ждала своей очереди, вошла в зал одной из последних. За столом и Юрий Александрович Завадский, и вся элита театра. Они уже порядком устали, Вера Петровна Марецкая почти дремала. Я решила обратить на себя внимание – естественно, все абитуриенты пытались как-то выделиться. Я положила рядом с собой сумочку, словно боясь ее

потерять, и почти прокричала: «Монолог Натальи из “Тихого Дона”». Меня предупреждали: «Завадский обожает Гоголя, читай Гоголя, не вздумай читать Шолохова», но сейчас я думаю, что Завадскому вообще было не так и важно, что именно я читала. Он смотрел глубже и точно знал, кто ему нужен.

Когда я начала читать монолог Натальи, Марецкая пробудилась и выразительно посмотрела на меня. Седовласый Завадский терпеливо дослушал и спросил: «Совершенно не понимаю, почему вы так кричите. А что-нибудь потише в вашем репертуаре имеется?» Я почти шепотом произнесла лирические стихи Кольцова о России. Стенания Натальи Коршу-

На 1-м курсе студии Ю.А. Завадского

¹ Марецкая, Вера Петровна (1906–1978) – русская советская актриса театра и кино, народная артистка СССР. С В.П. Марецкой мы вместе работали в 1960-е гг. в спектакле «Аплодисменты».

С А.И. Баранцевым. «На такой носик всегда найдется спросик!»

новой, страстно любящей Григория, в сочетании с кольцовскими проникновенными объяснениями в любви к родному краю – этот контраст, очевидно, понравился всем экзаменаторам. «Либо ненормальная, либо гениальная», – услышала я шепот за спиной. Я вышла из зала, а потом узнала, что прошла первым номером.

Я не буду рассказывать о том, что Рита Терехова – актриса Божьей милостью, не буду перечислять ее работы в кино, они были одна лучше другой, это и так все знают.

Я расскажу о ней как ее подруга. Мы познакомились на приемных экзаменах в Школу-студию при театре Моссовета. Во дворе стояла огромная толпа, я несколько дней ходила, чтобы записаться на консультацию. На втором туре приемных экзаменов, на фоне волнующихся абитуриентов, стояла девочка с длинной косой и читала книгу. Я подошла и говорю: «Девочка, как тебя зовут?» Она ответила: «Рита». – «А что ты читаешь?» – «Капитанскую дочку». – «Я очень волнуюсь, а ты?» – «Я тоже». За столом приемной комиссии сидели: Завадский, Орлова, Плятт, Мордвинов, Марецкая, Сошальская, Бероев, Саввина, Анисимова-Вульф, Бирман.

А потом мы с Ритой оказались среди тех счастливицев, кто поступил. Я была на курсе самая младшая, и она сразу взяла меня под крыло – я так за ней хвостиком и ходила. У нас был очень талантливый курс! Студия находилась в

самом театре, наверху располагалось отдельное помещение. Будучи студентами, мы уже выходили в спектаклях театра и могли учиться у великих прославленных мастеров сцены. Это было очень счастливое время: и влюблялись, и любили... Но мало кто знал, в каких тяжелейших условиях Рите приходилось выживать в Москве. Почти все мы были москвичами, а она приехала из Ташкента, и ей негде было жить, общежитие для студентов театр не предоставлял. Недолго она жила у родственников, какое-то время у педагога сценической речи, как-то пристроилась в общежитие ВГИКа. Стипендия маленькая, мама присылала ей из Ташкента все, что могла. Рита ходила в вытертой шубке еще со школьных времен, и я помню, как она купила домашние войлочные ботинки и на них отдала сделать подошву, чтобы носить их зимой. Она застудила легкие, и потом всю жизнь, конечно, это давало себя знать (я вообще не представляю, как она выдерживала с ее легкими такие нагрузки!). Моя мама очень любила Риту и всегда спрашивала, когда она придет к нам обедать, старалась как-то поддерживать ее в Москве. Часто Рита оставалась у нас ночевать.

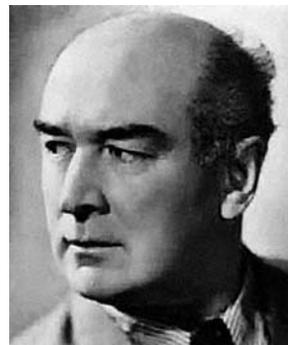
Наталья Верова

Так я оказалась принята в Школу-студию при театре имени Моссовета. Но если бы не это поступление, не Юрий Александрович, то не знаю, что бы со мной было. Завадский признавался: «Не скажу, что с первых же занятий в студии стало ясно, что перед нами прирожденная актриса. В Рите привлекало другое: ее человеческая неповторимость, которая при настойчивом овладении профессиональным мастерством обещала перейти в неповторимость актерскую».

Нашими педагогами в Школе-студии были великолепные мастера. Курс актерского мастерства вели М.Г. Ратнер и чудесный актер А.И. Баранцев, который в «Короле Лире» играл Шута.

На него приходили посмотреть актеры и режиссеры из других театров. Баранцев нам, студийцам Завадского, отдал лучшие годы. Александр Польш, прекрасный знаток западного театра, приходил и говорил о Баранцеве: «Не бывало еще, чтобы шут в “Короле Лире” переигрывал короля. А Баранцев это смог сделать!»

А Лира тогда играл Н.Д. Мордвинов¹, тоже великий актер. Помню, Мордвинов мне, еще со-

Н.С. Мордвинов

¹ Мордвинов, Николай Дмитриевич (1901–1966) – русский театральный актер, народный артист СССР.

В.П. Марецкая

С.Г. Бирман

Л.П. Орлова

всем юной, говорил в шутку: «На такой носик всегда найдется спросик!»

С нами работали талантливейшие педагоги, преподавали нам сценическую науку во всевозможных вариантах, даже биомеханику Мейерхольда¹. У нас в Школе-студии такой урок был по биомеханике, по владению своим телом: девочки, стоя на плечах у мальчиков, должны были спускаться в фойе по очень большой лестнице. Держаться за перила при этом было нельзя. Это невероятно сложно выполнить! Еще мы ставили самые разнообразные этюды, а Завадский подсказывал нам что-то, поправлял, иногда и смеялся до слез. Он пригласил к нам лучших педагогов, объединил ге-

---

¹ Биомеханика – новая система подготовки актера, введенная в театральную практику В.Э. Мейерхольдом. Благодаря этой системе движения актеров обрели особую выразительность.

ниальнейших людей, среди которых были С.Г. Бирман¹, Л.П. Орлова², Р.Я. Плятт³, Ф.Г. Раневская⁴, В.П. Марецкая – не только театральные, но и кинозвезды.

Мы были редким исключением из правил – я имею в виду другие учебные заведения. Все происходило на наших глазах. Мы могли почувствовать, как собирается спектакль. Мы жили в театре три года, с утра и до вечера. И поэтому это были замечательные годы. Очень многое в тот период было заложено в нас, что потом нас всех объединяло. Мы принадлежали к одной актерской школе, чего и добивался Завадский.

Вячеслав Бутенко

Работа с ними, настоящими мэтрами, была для нас истинной академией. Они не всегда напрямую учили нас, чаще показывали просто на своем примере и на конкретном материале. Мы, благоговей, наблюдали за тем, как они работают. И мы практически сразу существовали на сцене рядом с ними. Пусть в массовке, эпизодах, но на одной сцене. Иногда Завадского разные люди со стороны или актеры «среднее» даже ругали: «Театр для студии или студия для театра?» Но в театре им. Моссовета был изначальный принцип: молодых следует учить рядом с мастерами, им надо только показать, как делать, а не читать назидательные наставления, не тыкать пальцами.

Выпускной спектакль «Школьный вальс», 1964 г. С В. Бероевым и В. Деминым

¹ Бирман, Серафима Германовна (1890–1976) – советская и российская актриса театра и кино, театральный режиссер, теоретик, народная артистка РСФСР. М. Терехова и С. Бирман вместе работали в спектакле «Цезарь и Клеопатра». – *Прим. сост.*

² Орлова, Любовь Петровна (1902–1975) – советская актриса театра и кино, народная артистка СССР.

³ Плятт, Ростислав Янович (1908–1989) – советский актер театра и кино, народный артист СССР. М. Терехова и Р. Плятт работали вместе в 60-е годы в спектаклях «Цезарь и Клеопатра», «Дальше – тишина». – *Прим. сост.*

⁴ Раневская, Фаина Георгиевна (1896–1984) – советская актриса театра и кино, народная артистка СССР. М. Терехова и Ф. Раневская работали вместе в спектакле «Дальше – тишина» (1969). – *Прим. сост.*

В студии с Вячеславом Бутенко

Я и не мечтал о театре, и не смотрел даже в эту сторону, и все для меня было внове, и моим поводырем во всем с 1-го курса была Рита. Мы с ней были всегда вместе, вместе делали отрывки, этюды, потом, после окончания студии, вместе выпускались в дипломном спектакле.

На 2-м курсе мы с ней поженились.

Свадьба была у нас в моей комнатухе в общей квартире, пришла студия, актеры молодые из театра. Набилась тогда полная комната, даже двери мы не смогли закрыть. Было весело, все говорили какие-то тосты, желали нам счастливой долгой совместной жизни. А я даже и не помню про нашу совместную жизнь каких-то подробностей, потому что все время с утра до вечера мы проводили в театре. Разошлись мы сразу после окончания студии, разбежались в разные стороны. Развелись позже.

Вячеслав Бутенко

В качестве дипломного спектакля режиссер Мирра Григорьевна Ратнер поставила «Два вечера в мае». Там я сыграла художницу. У меня сначала была какая-то почти сверхъестественная убежденность, что я – актриса. Через некоторое время от этой уверенности не осталось и следа. Человеку профессиональному ведомы самые большие сомнения.

В роли Клеопатры. Спектакль «Цезарь и Клеопатра», 1960-е гг.

Например, великий Мордвинов за все три года пришел к нам в студию всего один раз, но сказал слова, которые мы навсегда запомнили: «Я до сих пор не знаю, правильно ли я поступил, что стал актером». А это Мордвинов! Но нет ничего важнее истин, которые впитываешь с воздухом. В ночных пустых коридорах театра, в резонансах репетиционных залов, в толкотне премьер, заблудившись среди живых и почивших классиков, не за партой, а в театральном тарараме и суете – так три года работала студия. Как чудесно было каждый день приходиться сюда и, раскрыв глаза, слушать, как великие рассеивают афоризмы, смотреть, как одевается к выходу на сцену Орлова, как Раневская говорит молодому режиссеру: «Бо-оря, после этой репетиции Вы должны на мне жениться!» Тот: «Почему, Фаина Георгиевна?» – «Ну как же? Теперь три часа ночи, что я лифтерше скажу?»

В 1964 году я закончила студию, но еще до этого, вместо забеременевшей Нины Дробышевой¹, получила главную роль в спектакле «Цезарь и Клеопатра» по пьесе Бернарда Шоу.

Мне тогда сказали: «Театр Клеопатрами переполнен. Если у тебя не получится, то, уж извини, возьмем другую». Завадский иногда спрашивал меня: «Подумай, может быть, это не твоя роль? Подумай, подумай, я тебя с роли не сниму, но, может быть, это не твой путь».

Высшим проявлением гнева у Завадского было то, что он бросал карандаши и выходил из зала. Но по отношению к Тереховой такого не было ни-

¹ Дробышева, Нина Ивановна (род. в 1939 г.) – российская актриса театра и кино, народная артистка РФ.

Маргарита Терехова

Из первых уст...

когда – он ее любил, обожал. Она первая получила роль на сцене, играла Клеопатру. И на съемки он ее отпускал.

Александр Леньков

Роль Клеопатры помогла мне разучивать великая актриса и режиссер Серафима Германовна Бирман. В трагедии она играла няню Фтотатиту. Серафима Германовна перед спектаклем, настраиваясь, покрывала лицо темной тканью, но иногда из-под этого покрывала такие советы давала нам, молодым, что мы просто диву давались. Не раз Бирман водила меня к себе домой, в подлиннике читала мне пьесу Бернарда Шоу, обращая мое внимание на все детали, авторские ремарки: «Клеопатра бушует», «пламенует», «в гневе» и т. д. Бирман взвинчивала мне нервы, наполняла эмоциями, настраивала, старалась привить царскую осанку. Она настойчиво спрашивала:

- Рита, знаешь, что у тебя течет в венах?
- Что, Серафима Германовна?
- В лучшем случае какая-нибудь подмосковная речушка! А знаешь, что

На гриме «Клеопатры». Фото Г. Тер-Ованесова

С Ростиславом Плятгом (Цезарь).
Спектакль «Цезарь и Клеопатра», 1960-е гг.

у тебя должно течь в
венах?

– Нет, Серафима
Германовна...

– Н-и-и -л!!!

Без этого особого
настроя сыграть Кле-
опатру было бы не-
возможно. А пластике
египетской царицы я
училась у кошек: они
ведь самые изящные
и грациозные суще-
ства на свете. Я вни-
мательно следила за
ними, перенимала их
неторопливые, плав-
ные движения.

В этом спектакле я играла вместе с великолепным актером Ростиславом Яновичем Плятгом. В начале действия Плятт был в образе Бернарда Шоу, а затем играл самого Цезаря. Ростислав Янович сначала несколько стеснялся этой роли: стареющий Цезарь вступает в любовные отношения с юной царицей Египта. Когда явилась я, еще тогда студентка, он сказал: «Ну, все, совсем уже возвращение малолетних!»

Я его умоляла целоваться со мной на сцене (так необходимо было по роли), а он что только ни делал, чтобы этого избежать! Я уверяла его, что мне это даже приятно, но он не верил. С Плятгом мне посчастливилось потом работать еще в спектаклях «Дальше – тишина» (там я играла внучку) и «Тема с вариациями».

Это было невероятным везением – играть, общаться, работать с такими прекрасными партнерами. Только среди больших мастеров на сцене, а не в изолированном от театра учебном заведении можно стать профессиональным актером. И всех их объединил Завадский. Он, абсолютно гениальный ученик Вахтангова, всех актеров прикрывал, чтобы их не посадили, не сослали, потому что времена были страшные. Все держались друг за друга. К сожалению, мы были последним набором Завадского...

То, что он выделял меня из всех остальных студийцев, я по-настоящему поняла только после его смерти. О Завадском ходили легенды! Например, он, постоянно погруженный в творческий процесс, встречал людей, спрашивал их о чем-то и не всегда помнил о чем. «Как поживаешь?» И только человек открывал рот, чтобы ответить – Юрия Александровича уже нет. Он мог положить телефонную трубку в середине беседы. Он мне говорил после каких-то моих неприятностей: «Ты же сильная! Ты же сильная...» Я отвечала: «Ладно, хорошо, я сильная, Юрий Александрович!» Он тут же клал трубку. Завадский встречал меня в театре:

- Ну, как ты вчера играла?
- Юрий Александрович, а Вы видели?
- Нет.
- О, я играла прекрасно! Великолепно!
- Ах ты, дрянь такая!

Когда Завадский входил в зал, с ним словно входило само искусство. И критерии в профессии у него были соответственные. Мы, словно птенчики, жались под его крыло. Конкретно мне он напрямую не помогал, не протезировал, но он делал главное: не давал в обиду. Это было действительно самое необходимое для тех, кто только начинает работать в театре, как-то определяется в жизни, встает на ноги. Юрий Александрович давал мне замечательные роли, хотя и говорил, что никогда не знает, чего можно от меня ожидать. Поэтому в шутку и прозвал меня «черным ящиком».

Мне кажется, что Рита, как все художники, очень дорожит своим внутренним миром. Она человек не то чтобы закрытый, нет. Но она очень оберегала этот свой внутренний мир и никого не пускала туда. На многие вещи у нее была своя собственная категоричная и непреклонная точка зрения.

Вячеслав Бутенко

Мы, начинающие актеры, приходили к нему в гости, пили чай, опустошали холодильник, а он нам ни слова против не говорил, показывал фотографии, рассказывал о театре. Однажды среди фотографий мы увидели Завадского рядом с Гретой Гарбо¹. Начинаем его расспрашивать, а он отвечает: «Какая Грета Гарбо? У меня одна Верочка Марецкая чего стоит!»

---

¹ Гарбо, Грета (1905 – 1990) – шведская и американская актриса, за вклад в развитие киноискусства получила в 1954 г. премию «Оскар».

Во дворе театра им. Моссовета
с Ю.А. Завадским. Фото В. Петрусовой

Это были какие-то другие отношения у молодых актеров с нашим руководством, не те, какие существуют сейчас. Заканчивался рабочий день. Вместе со студентами после репетиции Завадский шел в гардероб. Там он мог неожиданно положить руку тебе на плечи и начать расспрашивать, какие этюды ты делаешь. Через другое плечо он перекидывал макинтош и выходил из театра. Ты же не мог скинуть его руку и шел рядом с ним. Выходил из садика, поворачивал на Тверскую, и вот ты под этой рукой доходил вместе с ним до его дома.

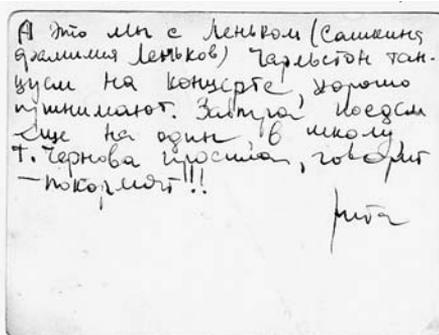
Он приглашал за стол и кормил тебя обедом: первое – второе – третье. После такого обеда, как правило, тебя бросало в сон, потому что спали мы мало, а обед сытный. Так после обеда он не успокаивался, приглашал к себе в маленькую комнату, ложился на диван и продолжал расспрашивать – «чем сейчас занимаешься», просил что-то почитать и так далее. И ты, преодолевая сон, пытался что-то продекламировать, пока он не сжалится над тобой и не отпустит. Завадский понимал, что студийцы – люди малообеспеченные, голодные, и вел нас кормить к себе домой. Сейчас такого и быть не может.

Вячеслав Бутенко

С Верой Марецкой мне посчастливилось играть в спектакле «Аплодисменты» по пьесе А. Штейна.

С Сашей Ленковым

Подпись на обороте: «А это мы с Ленком (Сашкина фамилия Ленков) чарльстон танцуем на концерте, хорошо принимают. Завтра поедем еще на один, в школу, Т. Чернова просила, говорит – покормят!! Рита»

Завадский сумел в своем театре создать уникальный актерский коллектив. Он был одним из немногих великих режиссеров, которые не погибли в начале века, сохранили себя для этой жизни, для творчества. Он был уникальным, великим режиссером, хотя и говорил, что ни одного спектакля не сделал так, как хотел бы. А у него были по-настоящему великие спектакли! Одна женщина, архитектор, которая пришла работать

в кино и реализовала там свои архитектурные проекты, признавалась, что самые гениальные идеи она взяла именно у Завадского. Известно высказывание Раневской о том, что Завадский умрет от расширения фантазии. Действительно, его фантазия была невероятной, а его театр был театром будущего, опережающим само время.

В 60-е годы актеры театра им. Моссовета жили скромно, небогато, но по этому поводу не испытывали каких-то комплексов. Хотя существует мнение, что, например, Любовь Орлова по тем временам жила шикарно, носила меха, драгоценности... Но она сама рассказывала нам, что одевалась в меха искусственные, однако выглядеть хорошо была просто обязана, ведь для народа она была чем-то вроде символа. Пока Орлова была на приемах, банкетах, выступлениях, везде костюмерши ходили за ней по пятам и спрашивали: «Любовь Петровна, когда Вы сможете реквизит отдать: сейчас или потом?»

С Ф.Г. Раневской

Часто спрашивают, какой мне запомнилась Раневская. Поступив к Завадскому, я как-то столкнулась в коридоре с Фаиной Георгиевной и вдруг, даже неожиданно для себя, спросила, не забывается ли она на сцене. А она мне совершенно спокойно: «Дорогая моя, если я буду забываться на сцене, я свалюсь в оркестровую яму. И эту яму можно было бы закрывать». И дальше пошла-поплыла по коридору в клубах своей неизменной сигареты. Раневская всегда приходила в театр за несколько часов до начала спектакля, настраивалась, бродила по коридорам. Перед спектаклем всегда должна была быть благоговейная тишина. Фаина Георгиевна иногда рассказывала нам, начинающим актерам, об удивительных встречах в ее жизни.

Раневская имела счастье общаться с величайшими поэтессами России – Цветаевой и Ахматовой... Например, она как-то вспоминала свое знакомство с Мариной Цветаевой. Фаина Георгиевна рассказывала, как Марина, прямо перед войной вернувшаяся в Россию, была приглашена к ним, актерам. Пришла в военном френчике, очень сдержанно, как-то по-солдатски строго, как отрубил, прочитала стихи. Потом ее пригласили пить чай. А время тогда было голодным. Цветаева съела печенье и,

указывая на пирожное, спросила: «А можно я это возьму домой?» Раневская восклицала: «А мы-то, молодые дуры, не поняли сначала, что она голодает!»

Фаина Георгиевна – человек особый: когда она выходила на сцену, в зале воцарялась абсолютная, звенящая тишина, даже двери коридорные закрывались. Раневская могла молча стоять у края сцены и смотреть в пространство зала, но зрители чувствовали ее необыкновенную энергию и эмоциональное богатство. Она начинала говорить – зал замирал! От Раневской исходили особые положительные флюиды! Если уж она играла в спектакле, то делала это самоотверженно, как мне казалось, забывая вообще обо всем на свете. Она будто подчиняла себе сцену.

Рита очень дружила с Раневской, играла с ней в двух спектаклях и, по моему, была даже вхожа к ней в дом, что не всем дозволялось. У них были тесные и дружеские отношения, я это помню. Когда шел спектакль с участием Раневской, театр преображался: все говорили тихо, никто не повышал голоса, потому что опасались попасться ей на язык, не дай бог. В театре на сцене тихо прибивали пыль...

Вячеслав Бутенко

С дочкой Аней, конец 1960-х гг. Фото из личного архива

С Сашей Ленковым

С Фаиной Георгиевной вместе я играла в 1970-е годы в легендарном спектакле «Дальше – тишина» по пьесе Вины Дельмар. У меня была роль Роды, а у Фаины Георгиевны – Люси Купер.

Я замечала, что на этот спектакль одни и те же зрители приходят по нескольку раз. Как-то я спросила об

этом у одного из них. Он ответил: «Я прихожу реанимировать в себе любовь к родителям».

Однажды меня чуть не выгнали из театра Моссовета за то, что я опоздала на спектакль. Я летела из Ленинграда, со съемок фильма Ильи Авербаха «Монолог». Самолет задержали из-за туманов, и он приземлился в Москве только в 19.00, а в это время в нашем театре уже начинался спектакль, где я играла внучку героини Раневской. Правда, я по роли должна была появляться не в самом начале действия, а чуть позже. Но понятно, что все актеры должны быть в сборе не позднее 19.00. В тот вечер меня уже решили заменить моей сокурсницей. Приезжаю в театр, смотрю – она, вся красная, пытается влезть в мои джинсы, а они не лезают: я же худющая была. Это меня и спасло. Говорю: «Может, все-таки я выйду на сцену?!» Мне отвечают: «Ладно, выходи, но не знаем, что теперь будет с Раневской, ей ведь уже сообщили о замене». Мне потом рассказывали, как она, узнав о моем опоздании, кричала и возмущалась. Она не терпела актерских вольностей по отношению к *alma mater*. Когда я все-таки появилась на сцене, она меня увидела и просияла! Но потом спохватилась и практически весь спектакль общалась со мной впол-оборота. Однако именно Раневская потом вступилась за меня перед руководством театра, просила, чтобы меня не выгоняли. Слышала, что обо мне Фаина Георгиевна отзывалась в своих воспоминаниях тепло и сердечно...

Мне предложили роль в спектакле «Живой труп». Но я узнала, что беременна, ждала мою дочку Анечку, поэтому от роли отказалась. Буквально на следующий день раздался звонок от Раневской: «Деточка, зачем

Спектакль «Сверчок», сцена из 2-го акта

вы собираетесь рожать? У вас такая замечательная роль!» Я возразила: «Разве один живой ребенок не дороже любой роли?!» – «Да, – помолчав, согласилась Раневская. – Возможно, вы правы». У нее, как известно, не было детей, и все-таки она меня поняла.

Недалеко от театра Моссовета находилось общежитие театра, где жили актеры. Но это был настоящий клоповник, там бегали мыши, было очень сыро и холодно. Рита занимала на втором этаже комнату размером приблизительно два с половиной метра на три, и когда ты открывал дверь, то сразу оказывался на кровати. Это была комната-кровать, словно специально созданная, да простит меня Ритка, для плодоношения. И Анечка могла появиться на свет намного раньше!

Аня невероятно и неувлимо мне напоминает Ритку в юности... У меня много есть фотографий, где Анечка сидит на горшке или мы все вместе сидим в обнимку. Думаю: господи, какое очаровательное дитя, а ведь могло быть и моим!

Александр Ленков

Конечно, у меня, как и у любого артиста, есть особенно дорогие театральные образы. В середине 1960-х я играла в милой комедии «Сверчок» по пьесе польского драматурга Т. Кожушника. Постановку делал Алексей Зубов.

С. Г. Борзниковым в спектакле «Глазами клоуна»

Мы с Маргаритой играли вместе в спектаклях «Сверчок» и «Тощий приз». Какая же она была смешная в «Сверчке»! У нее был уникальный актерский диапазон и гипнотическое обаяние. Она могла играть все. Очень жаль, что в театре и кино не использовали ее комедийный дар.

К Рите быстро пришла сумасшедшая популярность и абсолютное признание. При этом у нее не было никакой звездной болезни. У Риты и времени на это не оставалось.

Наталья Верова

В спектакле рассказывалось о романтически настроенных студентах, создавших бюро добрых услуг «Сверчок». По старинному преданию, если в доме появляется сверчок, вместе с ним приходят радость, счастье, веселье. Стрекотание сверчка – особый шумовой эффект – стал своеобразной эмблемой спектакля. Мы там должны были исполнять песни на польском. Поскольку мало кто из нас мог говорить по-польски без акцента, режиссер придумал по тем временам очень смелый и неожиданный ход: на фонограмму были записаны голоса настоящих поляков, а наша задача была только раскрывать рот под музыку. Как известно, потом это стало очень распространенным явлением, и большая часть современной эстрады работает под фонограмму. Тогда же, в 1965 году, это было новаторством.

В нашей профессии каждый настраивается как может. Кому-то нужно потрещаться, анекдоты потравить, рюмку выпить, даже повздорить. А Рите нужен некий кураж! И я помню ее ноздри. Когда они приходят у нее в возбуж-

Начало 1970-х гг.

С Н. Веровой в годы учебы

денное состояние и ходят как у лошади или у какого-то зверя, это значит, что она привела себя в форму. Она говорит: «Все, я готова выходить на сцену».

Александр Ленков

В театре мне повезло не только с учителями и коллегами, но и с ролями. После роли египетской царицы Клеопатры я получила в 1968 году роль Мари Деркум в спектакле «Глазами клоуна» по роману немецкого писателя Генриха Бёлля. Спектакль шел на сцене 20 лет, его даже показали самому автору, когда он приехал к нам в страну. Бёллю очень понравилась постановка, но он потом сказал мне: «Вы самая красивая исполнительница роли Мари». В романе-то описана не очень красивая женщина. Так что автору все понравилось в спектакле, только я несколько не подошла из-за внешности.

В этом спектакле необыкновенно хорош был мой партнер Геннадий Бортников. Помню, как проникновенно он произносил в мой адрес слова:

Качает ночь в окне фонари,
Но уже без тебя, Мари.
Тепло и огни — к чему мне они?
Без тебя, слышишь, Мари?
Молитвы, сны, слова, алтари —

Это все суета, Мари.
Трава, и листва, и моря —
Это ты, только ты, Мари...

А что Гена делал со зрителем! Бортников замолчал, и публика, затаив дыхание, ждала его следующего слова, взгляда, вздоха. А когда Геннадий был во Франции, его сравнивали с величайшими европейскими актерами, например в газетах были заголовки: «Тень Жерара Филиппа пролетела над Парижем». Многие думали, что он останется во Франции, но он вернулся. На все вопросы отшучивался: «А на кого мне оставить дворовых кошек?!» Он их всегда подкармливал. Гена продолжил играть в «Глазами клоуна» почти до самой старости. Успех спектакля был невероятный!

А в 1971 году я сыграла совершенно особую, чрезвычайно важную для меня роль Сонечки Мармеладовой в спектакле «Петербургские сновидения» по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». На сцене был сооружен огромный крест, и я читала Евангелие, что в начале 1970-х годов казалось совершенно невыносимо. Когда я произносила свой текст, вспоминались целые куски из романа, реплики всех персонажей Достоевского, не только моей героини. Я говорила про воскресение Лазаря и плакала вместе с залом. Все это было возможно именно благодаря Завадскому.

Я считаю, что роли Клеопатры и Сонечки Мармеладовой – это мои две главные творческие дороги, по которым я шла очень долго. Но не зря меня Завадский еще в самом начале моего творческого пути предупредил по поводу образа Клеопатры: «Подумай, твоя ли это роль». Теперь я понимаю, как он был прав. Не случайно, что после роли Миледи я остановилась...

15. «Жизнь, жизнь...»

Вопросы и ответы

Вы родились в Туринске, детство провели в Ташкенте, потом переехали в Москву. Какой город считаете родным?

Все-таки Москву. Она мне подарила встречу с Юрием Завадским, работу в театре Моссовета, общение с Андреем Тарковским. Москва для меня действительно город больших возможностей, это целая страна со своими законами и порядками. Но меня очень огорчают огромные московские пробки. Каждый стремится сесть в автомобиль, из-за чего в городе дышать нечем. Мне же из всего общественного транспорта больше нравится трамвай. Но вообще я всегда старалась больше ходить по Москве пешком. Иногда шла по какому-нибудь делу от метро «Белорусская» до Цветного бульвара. До сих пор я очень люблю гулять по Москве, на Патриарших прудах, например.

1970-е гг.

А каковы ваши отношения с автомобилем?

Однажды мне подарили автомобиль. За руль села моя дочка Аня. Я же на ходу, на повороте приоткрыла дверь и начала поправлять сапог, высунув ногу. Аня мне тогда тихо сказала: «Мамочка, что ты делаешь?» На этом моя дружба с машинами и закончилась. Но к остальной технике я нормально отношусь. Как можно отказаться от телефона, например?

1980-е гг.

В России был достаточно долгий период, когда женщины распускали и заплетали волосы «по-тереховски», одевались «по-тереховски». А каково ваше отношение к моде?

Когда я еще училась в Ташкенте на физико-математическом факультете, была мода на пышные нижние юбочки из нейлона, потом в моду вошли мини-юбки и джинсы, которые я долгое время носила с огромным удовольствием. Все это по-прежнему не выходит из моды. Еще я носила огромные вязаные шарфы – это было одновременно удобно и очень красиво. Сейчас мода на такие шарфы вернулась.

Что же касается модных в ту пору искусственных материалов, то они совершенно не прижились на мне: я их плохо переносила. Не нравилось и то, что они очень липли к коже. Кстати, нынешние искусственные полотна за счет всевозможных добавок и специальной обработки мне кажутся гораздо приятнее. Также я не любила слишком яркие вещи (они тоже были очень модны в ту пору), но если надо было, то появлялась в таких вещах на сцене и в кино.

В кино мне нередко приходилось надевать платья с декольте (как, например, у моей Миледи), в повседневной жизни я никогда не носила декольтированные платья или платья в обтяжку. Я вообще не любила привлекать к себе особое внимание. Наоборот. Как-то я ехала в электричке, это было после выхода фильма «Здравствуй, это я!». Вдруг надо мной зависли два студента, и один другому говорит: «Смотри-смотри, это же Терехова...» А тот ему отвечает: «Да будет тебе Терехова по электричкам разъезжать!»

Как относитесь к своей популярности, известности? Часто ли к вам подходят на улице поклонники, просят автограф и так далее?

К счастью, мои поклонники достаточно тактичные и деликатные люди. Там, где я живу, меня особенно не терзали. Иногда девочки-поклонницы ожидали у театра после спектакля, дарили охапками цветы, мягкие игрушки, когда мой сын Саша был маленький. Помню, у нас полквартиры было завалено плюшевыми зайчиками, мишками, собачками. Потом некоторые из этих игрушек я отдала в детские дома. Какого-то чрезмерного давления со стороны поклонников я не испытывала. Почти всегда после спектакля домой я шла пешком, и никто ко мне как-то слишком назойливо не приставал. И в магазин я ходила как все.

Однажды театр им. Моссовета был на гастролях в Новосибирске. В это время в Одессе проходили съемки фильма «Три мушкетера». Рита постоянно летала в Одессу и обратно. Как-то она говорит мне: «Прилетела, а тут звонит

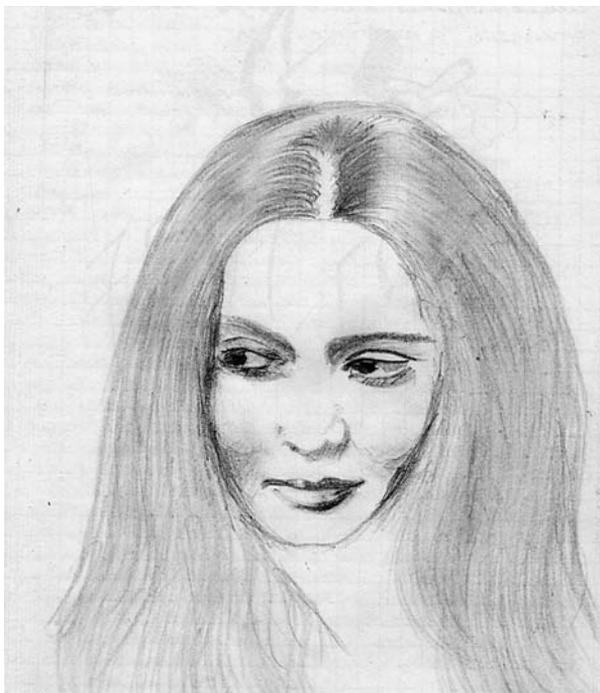

Рисунок Марии Воробьевой

свою семью и обращается к Рите: «Вы в кадре, не могли бы вы пересесть». – «Да, пожалуйста», – спокойно отвечает она. Вдруг ветер срывает шляпу, и она падает в воду... Рассыпаются золотистые волосы Маргариты, и под шум волн на пароходе понеслось из уст в уста: «Это Терехова... Терехова... Терехова...» Надо было видеть лицо фотографа! Он слабым голосом прошептал Рите: «Вы не могли бы войти в кадр...» – «Да, пожалуйста», – так же невозможно и спокойно сказала она.

Наталья Верова

Был однажды забавный случай: от моих дверей продолжительное время не отходил некий молодой человек, вставив паспорт в дверную щель. Желал с помощью этого паспорта показать, что он, мол, с серьезными намерениями. У меня тогда Саша был еще маленький. Я просила этого молодого человека: «Уйдите, вы же пугаете моего ребенка!» Он не уходил, только смотрел на меня огромными глазами. Тогда я принесла ведро воды, встала на пороге. А дело происходит зимой! Парень аж глаза вытарачил: «Вы же не выльете!» Я ему спокойно говорю: «Вылью.

какая-то женщина, говорит, что она моя родная сестра по отцу. Боюсь, что это какая-то сумасшедшая поклонница. Я одна в номере, приходи». Да, действительно, это оказалась ее родная сестра, и в честь такого события мы поехали кататься на небольшом пароходе. Рита носила соломенную шляпу, закрывающую половину лица, иначе невозможно было пройти по улице – так она была узнаваема. На парходике мы присели на круговые лавочки, вокруг люди. Какой-то очень толстый мужчина фотографирует

Еще как...» Но это особый случай. Вообще же, как многие актеры и актрисы, я бегала по улицам довольно быстро, как говорится, чтобы поклонники разглядывать не успевали.

И одевалась я повседневно всегда довольно скромно, просто, хотя красиво. Стильно, как сказали бы сегодня. Когда же нужно было выходить «в свет», вынуждена была одеваться по «высокой моде». Я никогда не шиковала в жизни (не было ни времени, ни денег), но в так называемые ответственные моменты меня спасали добродушие, талант и оригинальность отечественных модельеров, у которых я покупала готовые вещи. А поскольку у меня не было проблемы с фигурой, я всегда могла выбирать.

Я дружила со Славой Зайцевым, а он, как известно, к актерам особенно хорошо относится. Слава и Инна Рябинина из Трикотажного Дома моделей меня очень выручали, хотя в то время их творчеству не придавали такого значения, как сейчас. На примерках я не раз говорила манекенщицам: «Вы совершенно не цените наших художников, увлекаетесь загранич-

Кукла «Миледи»

Запись Евангелия от Иоанна

ным ширпотребом, а потому и выглядите неоригинально». А их модели, на мой взгляд, были просто уникальны и спасали в то время многих наших кино- и театральных звезд.

Что же касается западных модельеров... Первой моей границей была ФРГ (я представляла фильм «Монолог»), где впервые вошла в фирменный магазин. Вы не поверите, но у меня просто закружилась голова: направо — трусики хлопчатобумажные с кружевами, налево — точно такие же лифчики. Недоступное по тем временам для советского человека изобилие... Помню, по этим магазинам мы ходили под ручку с Михаилом Глузским. И там я впервые открыла для себя моду западных дизайнеров. И все же, когда я появилась на сцене в вечернем туалете от Славы Зайцева и крупных чешских серьгах-«жемчугах» (бижутерию кто-то сунул мне в последнюю секунду), в зале все равно шептались: «Посмотрите, как она богата, какой красивый у нее жемчуг. Настоящий жемчуг — она же русская!» Вот такое отношение было тогда к нам. И хотя у нас почти ничего не было и наш стиль ругали, все равно считалось, что у нас все «самое-самое».

Забавный случай произошел со мной в Англии. Я шла по Лондону в синих джинсах и в блузке-марлевочке, купленной в Индии еще во время съемок фильма «Рикки-Тики-Тави». Два молодых англичанина сидели на скамейке, покуривали, заметили меня и решили познакомиться, будучи полностью уверенными, что я коренная жительница Лондона. Очевидно, у меня была вовсе не советская внешность и не советский наряд. Они заговорили со мной по-английски, я же киваю им и пытаюсь объяснить: «I live in Moscow!» Как они были изумлены, когда поняли, что я из России. У них даже лица вытянулись от удивления!

А носили ли вы в ту пору «мини» модной 35-сантиметровой длины?

Насчет сантиметров не знаю, но наши юбки были чуть ниже попы. С ними чаще всего носили обувь на платформе. Кстати, так я снялась у Александра Митты в фильме «Москва — любовь моя» (о любви советского художника к японской балерине). В этом фильме я играла в собственной одежде. Правда, мою роль потом вырезали. И кстати, в большинстве фильмов и спектаклей я также появлялась в собственных вещах. Параллельно я снималась в «Зеркале» Тарковского, где тоже были очень красивые и вполне жизненные костюмы.

Так наши собственные вещи довольно интенсивно существовали на экране, и потому мы не чувствовали себя в платьях с чужого плеча. Нам было хорошо, удобно и уютно. Сегодняшние подростки очень похожи на нас в 1970-е. Например, сегодня мой сын и его друзья одеты так же вызывающе небрежно, как тогда одевались мы. Они так же привередли-

вы и разборчивы в отношении вещей, но при этом не имеют зависимости от одежды и ощущают полную свободу.

Верно ли то, что вы не любите, когда вам дарят цветы?

Я не очень люблю срезанные цветы, это правда. Давно уже хочу сказать людям: ну не надо дарить так много цветов артисту. Особенно в последний день гастролей. Принесите лучше печенье, сок, пирожные, да хотя бы воздушный шарик... А огромные букеты всегда некуда ставить, да к тому же за цветами нужно внимательно следить: менять воду, обрезать стебли и т. д. У артиста на это, как правило, не находится времени.

Сейчас многие актеры работают над созданием аудиокниг. У вас тоже был такой опыт, но ваша работа над аудиокнигой была особого рода, поскольку вы читали Библию. Как это было?

Действительно, меня пригласили принять участие в записи Евангелия от Иоанна. Я

раньше даже и не знала, что может быть такая вещь, как озвученное Евангелие. Потом кассеты с записью раздавались, естественно, бесплатно, тем, кто в этом нуждался. Кстати, важнейшим «отборочным критерием», с помощью которого выяснялось, подходит ли актер для этой записи, был следующий: спрашивал он или нет, будет ли эта работа оплачиваться. Нормальному человеку и в голову прийти не может, что за такое можно взять деньги. Слава Богу, что ты вообще удостоился

В храме. Начало 1990-х гг. Фото А. Тягны-Рядно

такой чести! В общем, хотите верьте, хотите – нет, но я записывала Богородицу. Что со мной было перед записью! Как колотило всю! К слову сказать, я ведь в свое время отказалась от этой роли в фильме «Мать Иисуса», и, в общем-то, не жалею. Так вот, возвращаясь к той записи. Накануне я обратилась к священнику, чтобы получить его благословение. Он сказал: «Ну и правильно, кто-то почитает, а кто-то и послушает».

Вы верующий, воцерковленный человек. Давно ли вы пришли к вере?

Да, я вообще думаю, что неверующих людей нет. Каждый человек рано или поздно приходит к Богу. Если ты какое-то время сопротивляешься вере, то сама жизнь тебя все-таки направит. Моя мама была католичка, она даже образочек хранила всю жизнь.

У нас есть великие святые. Такие необыкновенные, что даже у одного можно получить абсолютно все, что ни попросишь. Но их сонм.

И надо жить, как они велят, быть ко всему терпимым. Есть такой святой – Нилус, у него целые выкладки на эту тему: «Переносите нетерпеливость, бестолковость, невежество, напрасный гнев». Я часто говорила о религии и о святых, потому что спрашивали. Диалог с Богом должен происходить у человека неявно. Но именно с верой, с религией я связываю мое духовное продвижение. Я по-настоящему стала его осознавать, наверное, тогда, когда еще в 1970-е годы сыграла Сонечку Мармеладову и читала Евангелие, притчу о воскресении Лазаря, прямо со сцены:

«Марфа, видя, что идет Иисус...» – и вместе со мной обливался слезами весь зал! Это было что-то потрясающее! После этой сцены ко мне подошел за кулисы рабочий, как оказалось, сын священника, и говорит: «А вы верующая?» Я была тогда еще не крещеная. Крестилась позже, когда была беременна Сашей. Мы всей семьей крестились. Сейчас, когда я приезжаю на гастроли в какой-то город, при первой же возможности иду в церковь, ставлю свечку, помолюсь перед иконами, и мне после этого всегда легче в новом городе работать. От многих неприятностей меня спасает молитва.

Меня радует, что люди начали ходить в церкви, обращаться к Богу. Хотя иногда это несколько комично выглядит: по телевизору показывают, как люди с громадными свечами несутся к иконам. Забавно наблюдать: поставил – быстро покрестился – оглянулся – побегал. А площадь перед храмом усеяна иномарками. Когда такое было раньше? Но если я слышу: «Они лицемерят, обращаясь к Богу», мне всегда хочется сказать: «Но ведь к Богу же!» И не нам судить, лицемерно это или нет. Одно уже хорошо, что храмы, монастыри восстанавливаются, люди пришли к христианской вере. И пусть богатые люди тоже идут в церковь. Неожиданно

данно свалившееся на каких-то людей богатство обязывает. Это было в России всегда. Все знали, что деньги просто так не приходят. Много получил – надо отдать. Кому? Думай сам. Раньше богачи храмы строили, моленные дома, богадельни, благотворительностью занимались. Знали, что этим они отчитываются за свои гигантские деньги. Раньше это осознали. И сейчас, надеюсь, будут постепенно понимать.

Раньше возникало немало споров о взаимоотношениях религии и театра. Актеров хоронили вне кладбищ, считая лицедейство грехом. Каково ваше мнение об этом?

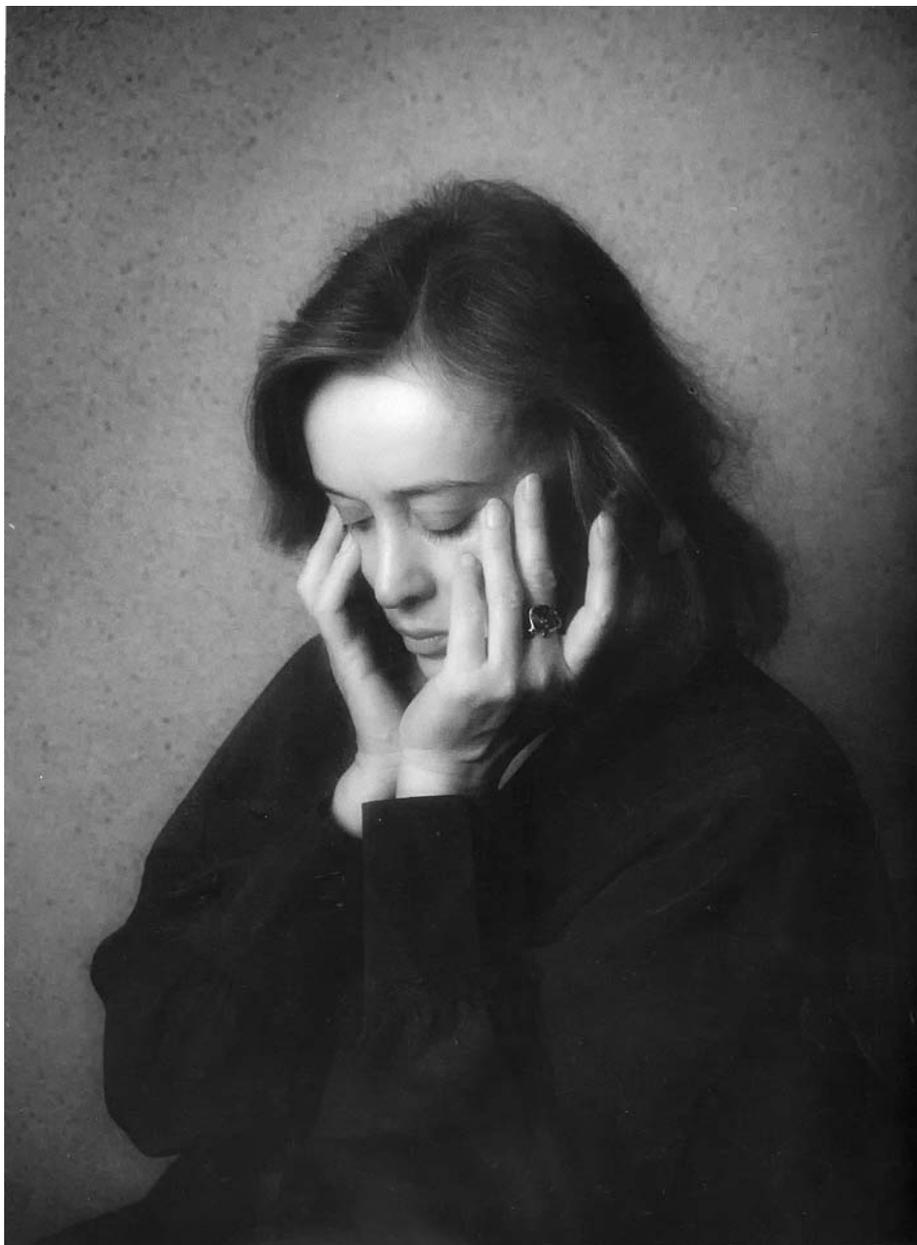
Не думаю, что, например, таких величайших актрис, как Комиссаржевская или Ермолова, похоронили бы вне кладбища. Все зависит от того, кто и как делает свое дело. Идите, смотрите и сами делайте выводы – кто чем занимается. Кто время отнимает у зрителя, а кто действительно играет так, что люди омываются слезами и получают потрясение. На Руси многие великие актеры были глубоко верующими людьми – те же Мария Ермолова, Алиса Коонен. Я думаю, что гений отрицает злодейство. Гениальность этих актеров вела их к глубокой вере в Бога, а вера помогала переносить тяготы жизни. Еще пример. Шаляпин после роли Мефистофеля всегда заказывал молебен. Открещивался. Нам этому у великих артистов прошлого надо поучиться. Я уверена, что для актерской профессии очень важно верить в Бога, любить мир, людей. Серафим Саровский говорил: «Стяжи мирен дух, и тысячи вокруг тебя спасутся». Вот это для меня и есть главное в моем творчестве – когда ты приносишь радость своей профессией людям, когда душа их радуется, просветляется.

Она много светлее всех Маргарит... Просто к ней пришла глубокая сила, такая глубокая, что кажется, что это тьма. Но ведь когда мы на дно океана смотрим, мы же понимаем, что там так глубоко, что не достает солнечный свет. Но там тоже жизнь, тоже добро, забота о человеке. Она не столь религиозна, сколь светла в религии, светла в этом ощущении Господа, и всегда, когда она говорила о религии, я ей верил.

Дмитрий Бозин

Когда мы говорим о вере, то обходим мистику как нечто нехорошее, непристойное. А без мистической связи души с Богом религия превращается в обряд-доверие. В своей жизни, в творчестве вы ощущаете мистические моменты?

Мистику нужно отличать от суеверий. Суеверие – значит, верить всуе, то есть пустякам. Кто-то что-то сказал, а ты программируешься. Уж луч-

Нижний Новгород, 1992 г. Фото А. Якубовича

ше собственную интуицию развивать. У любого человека судьба непроста, и знаки нам подаются с разных сторон. Надо бы уметь понимать...

Андрей Тарковский, например, верил в один спиритический сеанс. Был в его жизни опыт, который произвел на него страшное впечатление. Якобы ему явился дух Пастернака и предсказал, что Андрей снимет лишь семь с половиной фильмов. И когда Тарковский узнал, что у него рак, писал: «Значит, правильно мне было сказано...» Все время помнил об этом. Однажды после съемочного дня «Зеркала» мы сидели в Доме кино – Тарковский, Рерберг и я. И мы с Гошей в два голоса уговаривали его забыть этот спиритический сеанс, не верить в предсказания. Но как было убедить? Он лишь смотрел на нас своими насмешливыми зелеными глазами... Поверил, как ребенок. У меня вообще убеждение, что мужчины – дети. В Евангелии сам Спаситель сказал: «Будьте как дети». Вот мужчины и остаются всю жизнь детьми. Они могут это всячески скрывать, но за любой внешностью все равно остается ребенок, который жаждет, чтобы женщина, как мать, за ним ухаживала, помогала, оберегала... Основное же призвание женщин – любовь и рождение детей как самый великий творческий акт на земле...

Вернемся к мистике. Все обстоятельства моей работы с Андреем Тарковским на съемках «Зеркала» и над «Гамлетом» были пронизаны некоей мистикой. Тарковскому была нужна я – живая душа, импровизирующая в данных обстоятельствах, ему достаточно было ко мне прикоснуться – и я уже знала, что все делаю правильно.

Меня очень волнуют такие непередаваемые словами, какие-то экстремальные случаи. Например, играю я на премьере Сонечку Мармеладову в спектакле по «Преступлению и наказанию». Вдруг у меня пропадает голос. Александра Николаевна Стрельникова, великая изобретательница дыхательной гимнастики, мне его восстанавливает на спектакль, но говорит: «После спектакля нужно в чай добавить немного водки, чтобы у тебя расслабились связки». А мне добавляют спирт. Я от напряжения «выпадаю». Наутро у меня – видения. Звонок – открываю дверь, и мимо меня проходит тень, похожая на призрак, что-то серое, без лица. Я, в диком ужасе, выскакиваю на лестничную площадку. Там прихожу в себя и вижу себя звонящей в собственную дверь. В квартире никого... Звоню соседкам-старушкам с надеждой, что они позволят пройти по балкону. Я еще даже не знала, который час. Случалось и раньше: выйдешь на минутку, дверь захлопнется, а ключи в квартире. Но соседки никогда не пускали пройти по балкону. А тут – 4.15 утра – и они разрешают. Не помню, как шла по перилам балкона, легла в постель, заснула. Проснулась – помню все, что было, и призрак помню. Звоню своей подруге, увлекаю-

щейся мистикой. Она мне говорит: «Жди вечером известий». Вечером, хотите верьте, хотите – нет, звонит помощник в работе над «Гамлетом» и говорит: «Маргарита, умерла Мария Ивановна. Она очень мучилась». Это мама Андрея Тарковского. Я не то что не знала, что она умирает, я не знала даже, что она болеет. Так же, видимо, не догадывалась, что моя «игра» в «Зеркале» – жизнь. Вот и пойми, где жизнь, где театр. Прощаясь навеки с Марией Ивановной, я почему-то никак не могла уйти с кладбища, и легче мне стало, только когда я сказала: «Он к тебе придет», имея в виду живого Андрея, который придет к ней на могилу. Настоящий, страшный смысл тех моих слов дошел до меня, когда я узнала о его болезни, той же, что у матери и у Толи Солоницына. Андрей мне приснился потом – радостный, я гладила его лицо, волосы его прекрасные, а он светло-светло улыбался. Когда я пришла к нему на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, то сидела у могилы, плакала и мысленно спрашивала: «Куда же ты ушел, Андрей Арсеньевич? И что там, в том мире, в котором ты сейчас находишься?» В тот момент я особенно остро поняла, что вообще-то я не знаю точно, что является, кроме рождения детей, моей истинной жизнью в этом мире.

Еще был такой загадочный случай в моей жизни. Я пришла домой к замечательному оператору Гоше Рербергу, с которым вместе работала

На выступлении. Начало 1990-х гг.

еще на фильме «Зеркало». Я не видела его много лет после этой совместной работы, а когда пришла, он меня просто потряс своей первой фразой: «Да, я ничего не снимал после “Зеркала” И что? Кина-то не было!» Я решила предложить Гоше снимать вместе со мной фильм «Чайка». Я увидела энергичного, веселого, на вид совершенно здорового мужчину. Рерберг мне ответил что-то не очень обнадеживающее по поводу моего предложения. Я знала, что Гоша относится к той категории людей, кого невозможно заставить что-то делать. Я его попросила никому не рассказывать о моих проектах, а он говорит: «Хорошо, у нас будет взаимно: ты не расскажешь, что я жду звонка от Брандауэра из Австрии».

Я вышла от него, пошла мимо железной ограды и начала плакать. Сама не знаю, почему так произошло. Это было вечером, я шла домой после спектакля, в моей руке был букет цветов. Недалеко от дома Рерберга две церкви: Малого Вознесения и Иоанна Богослова. Я вложила цветы в дверную ручку храма. Через некоторое время я уехала из Москвы на десять дней в Карпаты. Возвращаюсь в столицу и слышу – говорят: «Умер оператор Георгий Рерберг». Я уверена, что в момент смерти он был один. Гошу отпевали в той самой церкви, где я накануне в ручке двери оставила цветы. Мы можем все предчувствовать, но часто об этом не догадываемся. Поэтому мы обязательно должны стремиться общаться с теми людьми, кого мы любим, перед которыми благоговеем. И если судьба нас сводит с такими людьми, нужно держаться рядом с ними, не исчезать. Никто не знает точно, что с Гошей случилось, почему он умер. Мистика!

Но иногда мистику путают с каким-то языческим мракобесием. Этого я не принимаю. Хотя в моей жизни появлялись люди, которые пытались меня всякой чертовщиной увлечь. Друзья говорили: «Рита, ты что, не понимала, что тебя завлекали нарочно, чтобы оболстить!» Я: «А что же вы мне тогда не сказали?» – «Да ты разве бы послушала?!» – «А вы хотя бы попробовали бы!» Мне даже сны снились: средневековая площадь, горящие костры инквизиции. Причем я – одна из жертв! Меня пытаются, мучают, а рядом по улице проходят люди, как ни в чем не бывало, идет обычная жизнь. Но если почитать книги об этом времени, можно узнать, что именно так все и происходило. Об этом и Дюма писал. Я вообще люблю рыться в библиотечных архивах, копаться в историческом материале. Не столько цифры и даты меня интересуют, сколько сама атмосфера времени, особый нерв эпохи, созвучие с сегодняшним днем.

Учитывая то, что вы так интересуетесь прошлым, с увлечением работаете в архивах, можно ли сказать, что вы могли бы стать историком, если бы не стали актрисой?

Не исключаю этого, но уверена, что если бы я не стала актрисой, я могла бы быть хорошей мамой. Моя дерганая актерская профессия не позволяет уделять детям достаточно внимания. Дети – наша главная ответственность, они же к нам приходят из некоего особого мира. Воспитание детей – самая главная наша обязанность. Мы повторяемся и продолжаемся в наших детях. В этом, наверное, и заключается высший смысл жизни. С помощью детей мы сами постигаем эту жизнь иначе, словно душу свою открываем. Марина Цветаева вместе со своей четырехлетней дочерью Алей очень точно об этом написала:

Одна половинка окна растворилась.

Одна половинка души показалась.

Давай-ка откроем – и ту половинку,

И ту половинку окна!

Какими качествами, с вашей точки зрения, должен обладать идеальный мужчина?

Убеждена, что не бывает идеальных мужчин, так же как и идеальных женщин. Но в мужчине я особенно ценю ум, интеллигентность, щедрость, благородство, причем не только по отношению к женщинам, но и по отношению ко всем окружающим людям. И еще мне не мог бы понравиться мужчина, который не любит детей, потому что дети – это действительно самое главное и дорогое, что есть в нашей жизни.

Вы говорили, что у вас есть друзья мужчины. А есть ли друзья женщины?

В дружбе я не разделяю людей по половому признаку. Ненадежного, лживого всегда можно вычислить, и тут неважно, мужчина это или женщина. Другое дело, что о женщинах чаще рассуждают мужчины: не сами же мы о себе рассуждаем, мы себя так со стороны не видим. Мужчины очень часто просто не могут предугадать поведения, эмоций женщины.

Многие считали, что у Маргариты Тереховой сложный характер. Возможно, но я знаю, что она очень добрый и ранимый человек. Театральный организм так устроен, что женский этаж, где расположены гримерные, – это осиное гнездо. И театр Моссовета не был исключением. Но она сразу так высоко поднялась, что «пролетала» мимо. Я помню, у нее на репетиции случился конфликт с замечательным режиссером Анатолием Эфросом. Она потом очень переживала, рыдала у меня на плече: «Я его так люблю, он самый лучший, как я могла что-то сказать!» Они, конечно, помирились. Когда у меня в семье случилась беда, я разбудила ее в три часа ночи, и она сделала все, что было в ее силах.

Моя дорогая Риточка! Я благодарю ее величество судьбу, что мы прошли по

жизни рядом в самое лучшее время – в молодости. Говорят, незаменимых нет – это неправда. Нельзя заменить Раневскую и невозможно заменить Маргариту Терехову!

Наталья Верова

Раздражает ли вас, когда вам задают вопросы о возрасте?

Я считаю, что любая жизнь на этой земле – даже самая блистательная – это только проба. Если помнить об этом, то будет легче думать о возрасте, течении времени. Многие говорят о возрасте с ужасом потому, что боятся неизлечимых болезней и смерти. И вот люди пытаются высчитать, кому сколько осталось. А у мудрецов (например, у Даниила Андреева) говорится, что с пятидесятилетнего возраста человек обретает мудрость, начинается настоящая духовная жизнь. Конечно, для того, кто эти пятьдесят лет к этому готовился, не терял времени зря. Страсти, когда сам не понимаешь толком, что делаешь, уходят, остается главное. Остается – человек.

Как вы думаете, актрисы должны стараться казаться моложе своих лет?

Это от самой актрисы зависит. Например, Фаина Георгиевна Раневская старела вместе со своими ролями. Ей бы и в голову не пришло видеть в театре способ борьбы с возрастом. Заниматься такой мерзостью ей бы не позволила потрясающая самоирония.

Почему вы не отмечаете свои юбилей так, как делает большинство актеров: с цветами, праздничными спектаклями в театре, с корзинами цветов?

Я не отмечаю юбилей потому, что меня это совершенно не волнует. Я всегда «забываю» свои дни рождения, всегда в эти дни отключаю телефон, иначе день превращается в бесконечные телефонные разговоры. Вообще, у меня особое восприятие праздников. Я даже к Новому году не готовлюсь заранее, как другие люди, которые все планируют. У меня каждый раз праздники проходят по-разному. В нашей актерской профессии все непредсказуемо.

Артистам нового поколения надо впитывать, учиться у нее, у Марины Нееловой, у Ольги Яковлевой, у Алисы Фрейндлих и у множества тех артисток, с которыми я имел счастье не только общаться, но и обмениваться безумной энергией любви. Терехова – это вопль, Терехова – это красота, Терехова – это радость, Терехова – это счастье, Терехова – просто великая. Преклоняюсь перед ней.

Роман Виктюк

Ст. Изборск, 19 августа 1988 г.

Мемуары

Терехова Маргарита Борисовна

Из первых уст...

Литературная обработка М.С. Воробьевой

Редактор *И.В. Кулюкина*

Художественное оформление *А.Б. Архутик*

Компьютерная верстка *А.Н. Колганов*

Технический редактор *Т.Ю. Симонова*

Корректоры *О.В. Круподер, В.А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов
Формат 70x90/16 Гарнитура «NewBaskervilleС»
Печать офсетная. Бумага офсетная
Печ.л. 16. Тираж 2000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru